

Биография

Шпильрейн Сабина (Шейвэ) Николаевна (Нафтульевна): данные биографии #1

Бермус Александр Григорьевич
Южный федеральный университет, Россия
e-mail: bermous@donpac.ru

Аннотация. В статье обсуждаются несколько известных сюжетов из жизни одной из первых российских женщин-психоаналитиков Сабины Николаевны Шпильрейн (1885-1942), в том числе, длительное знакомство с К.Юнгом и З.Фрейдом, активное участие в становлении детского психоанализа в первой половине 20-ых гг., трагическая гибель во время оккупации г.Ростова в 1942 в Змиевской балке. При этом, основной целью становится понимание событий, участницей которых была С.Н.Шпильрейн, в единстве с созданными ею текстами как публичного (статьи), так и частного характера (дневники, письма матери, Карлу Юнгу и др.). Каждый из эпизодов рассматривается в качестве некоторого «урока» жизни и судьбы С.Н.Шпильрейн, продолжающего быть актуальным и в начале XXI века.

Ключевые слова: Сабина Шпильрейн, Карл Юнг, Зигмунд Фрейд, диагноз, психоанализ, деструкция, становление.

Spielrein Sabina (Sheive) Nikolaevna (Naftulievna): facts of biography #1

Bermus Aleksandr Grigorievich
Southern Federal University, Russia
e-mail: bermous@donpac.ru

Abstract. The article discusses several well-known stories from the life of one of the first Russian women-psychoanalysts Sabina Nikolaevna Spielrein (1885-1942), including a long acquaintance with C. Jung and S. Freud, active participation in the development of child psychoanalysis in the first half of the 20s, the tragic death during the occupation of Rostov in 1942 in the Zmievsy Balka. At the same time, the main goal is to understand the events of

which S.N. Spielrein was a participant, in unity with the texts she created, both public (articles) and private (diaries, mother letters, Karl Jung, etc.). Each of the episodes is seen as a "lesson" of the life and destiny of S.N. Spielrein, which continues to be relevant at the beginning of the XXI century.

Keywords: Sabina Spielrein, Carl Jung, Sigmund Freud, diagnosis, psychoanalysis, destruction, becoming.

Судьба памяти о большинстве людей – проста и печальна. В жизни каждый из них окружен большим или меньшим количеством родственников и знакомых, но с уходом из жизни, и еще более – с уходом тех самых родственников и знакомых, память о нем постепенно стирается, пока не сократится до размеров надписи на памятнике. Существует другая крайне малочисленная категория «национальных гениев», чье имя достигает славы еще при жизни, но после ее окончания – последовательно превращается в мифологический образ «классика и основоположника».

Однако случай Сабины Шпильрейн – чья жизнь началась в Ростове в 1885 г. и была варварски оборвана в Змиевской балке 11-12 августа 1942 г. – видится парадоксальным преодолением этой противоположности. Не только ее трагическая гибель, но и два последних десятилетия ее жизни – плохо документированы, а имя забыто почти на полвека. Так, в ставшем классическим труде Эрнста Джонса «Зигмунд Фрейд» (1953) ее имя не упоминается ни разу. Более того, даже Nancy Chodogow, которая исследовала «вклад женщин в психоаналитические движение и терапию» (1987), просто «забывает» о Шпильрейн. На протяжении всего этого времени о ней напоминала лишь постраничная сноска в книге З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» - при этом нередко комментаторы склоняли ее фамилию, даже не подозревая, что «S.Spielrein» – женщина.

Возвращение С. Шпильрейн из исторического небытия начинается в 1974 г. после публикации В. Мак-Гиром переписки З. Фрейда и К. Юнга. В 1977 г. в подвале женевского дворца Вильсон, где раньше находился институт психологии, был обнаружен ее дневник за 1908-1912 гг., описывающей ее любовную привязанность к лечащему доктору, а также – многочисленные письма, которыми обменивались с 1906 по 1923 гг. Фрейд, Юнг и Шпильрейн. В 1980 г. выходит книга итальянского психоаналитика Альдо Каротенуто «Секретная симметрия. Сабина Шпильрейн между Фрейдом и Юнгом», в основу которой были положены дневниковые записи самой С. Шпильрейн и ее переписка с К. Юнгом и З. Фрейдом.

С конца 80-х – начала 90-х гг. статьи и книги о жизни и творчестве Сабины Шпильрейн активно публикуются в разных странах Европы и Америке (М. Люнгрен, Дж. Керр, М. Сифали, В.И. Овчаренко, Ц. Лотан, Б. Миндер, Р. Хёфер, А.М. Эткинд, Е. Шепелер и др.). Сабина Шпильрейн стала героиней нескольких литературных произведений, сценических постановок, документальных и художественных фильмов, ряда международных научных конференций, проходивших, в Ростове-на-Дону и зарубежом.

Значительное внимание привлекли книга и художественный фильм итальянского режиссера Роберто Фаензы, известный в российском кинопрокате под названием «Сабина» (2002). В июне 2003 г. на кинофестивале «Кинотавр» постановочно-документальному фильму (совместного производства Швеции, Швейцарии, Дании и Финляндии) режиссера Элизабет Мартон «Меня звали Сабина Шпильрейн» был присужден приз ФИПРЕССИ (Приз международной кинопрессы) «За чуткое отношение к личности и истории».

20 октября 2002 г. на доме, где проживала С.Н.Шпильрейн в Ростове-на-Дону по ул. Пушкинской, 83 была торжественно открыта мемориальная доска Сабины Шпильрейн, а 19 апреля 2003 г., в соответствии с одним из мотивов девичьего завещания С.Н.Шпильрейн на месте ее гибели был посажен памятное дерево – дуб. И уже совсем недавно, в 2008 г. были изданы переводы на русский язык наиболее известных ее трудов [3]. Все приведенные здесь фрагменты публикаций С.Шпильрейн даны в соответствии с этим изданием.

Едва ли полная биография Сабины Шпильрейн будет когда-нибудь написана – свидетельства о долгих периодах ее жизни во второй половине 20-ых и 30-ые гг. слишком неопределенны, поверхностны и недостоверны. Но уже то, что мы знаем о Сабине Шпильрейн, кажется вполне достаточным для того, чтобы увидеть в ее человеческой биографии – отражение духовной истории еврейского народа в один из самых драматичных периодов его существования. По этой же причине мы не можем претендовать на сколь-нибудь полное представление жизни Сабины Шпильрейн, но попытаемся услышать сквозь шум времени несколько уроков, которые история и жизнь дают всем нам.

Рис. 1

Мистика рождения.

Вначале скажем несколько слов о странных, отчасти удивительных, отчасти – почти мистических совпадениях, с которыми связано рождение Сабины Шпильрейн. Прежде всего, отметим, что день ее рождения – 25 октября по старому стилю (7 ноября по новому) в 1885 г. служит некоторым намеком на изначальную – и неразрывную связь ее человеческой биографии с будущей драмой, которая будет явлена в день ее 32-летия. Как писал ее младший современник (и соплеменник!) Осип Мандельштам: «Попробуйте меня от века оторвать! – Ручаюсь вам, – себе свернёте шею!».

Другим немаловажным обстоятельством является и то, что ее имя и отчество «Сабина Николаевна» – есть результат русификации идишского имени «Шейвэ Нафтульевна». И здесь начинается некоторая мистика. Само имя «Шейвэ» созвучно ивритскому числительному «шива» - семь (однокоренным этому слову является и «Шаббат» – седьмой, завершающий день недели, и «Шева» - еврейский обычай проводить семь дней после похорон в доме покойного, никуда не отлучаясь и сидя на низеньких скамейках).

Заметим, что каждый из этих смыслов осуществился в жизни С.Шпильрейн: ее собственная гибель была седьмой в череде трагических случайностей и преступлений послереволюционного времени (в 1922 г. умирает мать, в 1937 – 1938 гг. репрессируют ее родных братьев Яна, Исаака и Эмиля, тогда же, в 1938 г. умирают отец и муж).

Есть и более глубокие совпадения, которые выявляются в свете Торы. Имя отца Сабины – Нафтали является именем одного из сыновей Яакова –

прародителя соответствующего колена. Известно, что большинство колен получили два благословения – одно – от Яакова, другое – от Моше. В благословении Яакова о Нафтали говорится всего одна фраза: «Нафтали – пряткая лань, произносит он речи изящные». Раши, комментируя этот пасук, цитирует мидраш Брейшит Раба (99), где говорится о лани, что она «вольна бежать, куда пожелает» и «будет Нафтали благодарить за свой удел речами прекрасными и восхвалением» (Таргум). Известно, что отец Сабины был весьма образованным человеком, сторонником европейского просвещения и культуры...

Но есть еще один важный для нас комментарий: говорится, что именно колено Нафтали первым откликнулось на призыв Дворы и Барака, а после одержанной победы присоединяется к песне, восхваляющей В-вышнего. Именно пророчица Дебора выступала в роли судьи, и именно через нее В-вышний передал повеление «Вот что повелел Господь, Б-г Израиля: пойд и собери на горе Тавор, и возьми с собою десять тысяч человек из сынов Нафтали и из сынов Звулуна. А я приведу к тебе, к потоку Кишон, Сисру, военачальника Явина, и колесницы его, и полчища его, и предам его в руки твои» (Шофтим 4:6-7).

Смысл песни Деворы – в обращении евреев к В-вышнему: «*Не стало открытых селений в Израиле, не стало, пока я не восстала, Двора, я восстала, мать в Израиле. Избрать Б-гу новых, чтоб тогда воевать во вратах; щит ли виден будет и копье среди сорока тысяч в Израиле. Сердце мое к законникам Израиля, доброволившим в народе – благословите Господа!* Кто ездит на белых ослицах, восседает в суде и идет по дороге, молвите! При гласе бряцающем меж водопоев, там да воздадут за милости Господа, милости в открытых селеньях Его в Израили. Тогда, спустились они к воротам, народ Господень. *Воспрянь, воспрянь, Двора, воспрянь, воспрянь, изреки песнь!*» (Шофтим, Гл. 5:7-12)

Если прочитать всю Песню Деворы, строку за строкой – в этом воззвании можно найти объяснение специфической духовной ситуации, когда через женщину приходит к Израилю благословение, и женщине выпадает жребий укорять слабых и маловерных мужчин, сохраняя религиозное чувство. Есть основания полагать, что многие жизненные проблемы и странности в судьбе Сабины Шпильрейн имели в своем основании – ту самую неудовлетворенную духовную потребность.

Рис. 2

Тайна диагноза.

17 августа 1904 г. Сабина Шпильрейн в возрасте 18 лет поступила в психиатрическую клинику Бургхёльцли в Цюрихе. Вообще, эта клиника специализировалась на лечении пациентов с острой и хронической шизофренией и другими психозами. Вполне естественно, что предварительный диагноз, поставленный Сабине Шпильрейн ее лечащим врачом Карлом Юнгом, звучал как «психотическая истерия». В своем дневнике он делает примечательную запись о «необходимости обратить внимание на инстинктивную садомазохистскую линию взаимоотношений, которые базировались на проникнутых сексуальностью влечениях Шпильрейн к отцу».

Проблема этого диагноза заключается в том, что еще до встречи с Сабиной Карл Юнг находится под обаянием психоаналитических идей, с восхищением, цитируя известного художника, доктора медицины, наркомана и бисексуала Отто Гросса «Истинно здоровым состоянием невротика будет сексуальная распущенность». Немаловажно и то, что гомосексуальные устремления Гросса, хотя и внешне неприятны Юнгу: «Он [Гросс] отнимает просто уйму времени... это несомненный невроз навязчивого состояния... все искажения инфантильной идентификации носят гомосексуальный характер» [13, Р. 151], но признаются внутренне близкими: «Ничего более неприятного испытывать мне еще не приходилось, поскольку в Гроссе я обнаружил нечто, свойственное мне самому, и он часто бывает похожим на моего близнеца, хотя и по причине *dementia praecox*» [13, Р. 156].

Естественно, что от проницательного психоаналитика-арийца Юнга скрыты гораздо более глубокие, нежели «распущенность» мотивы Сабины. Их описание она доверяет только своему дневнику:

«С трех-четырёх лет я прекрасно помню своего прадеда – благодушного мужчину в черном. Еще более сильное впечатление произвело на меня то, что я услышала о нем: он был весьма уважаемым раввином в Екатеринославле.

Когда он шел по улицам нашего города, его сопровождала толпа. Ходило много слухов об его пророческом даре...

Мой дед еще жив. Он одряхлел, но сохранил веселый и нежный нрав... Примечательно, что мой отец отзывается с уважением о дедушке, признавая, что кое в чем тот неподражаем... К тому же он был хорош собой. Его избранницей стала дочь одного врача... который слыл неверующим, и мой прадед никогда бы с этим не смирился... пришлось ему отказаться от этой мечты и жениться на девушке, которую выбрал для него отец...

Должно быть, мой дед хранил в душе образ своей первой возлюбленной, ибо постижение христианской науки ставил превыше всего... Его дочери нужно было учиться, и только; помогать по хозяйству ее не заставляли. Несмотря на риск, которому он себя подвергал, будучи лицом духовного звания, он определил дочь в христианскую начальную гимназию... и одобрил ее поступление в университет.

Моя любознательная мать, которой легко давалась наука, была его величайшей гордостью. Как же проявился этот комплекс у моей матери?.. Моя мать очень боялась, что может влюбиться в христианина или стать возлюбленной христианина... Некому мужчине... христианину, уважаемому в Петербурге человеку, она сказала... что никогда не выйдет за него замуж, поскольку это могло бы убить родителей; на следующий день он застрелился.

На протяжении долгого времени моя мать отказывала моему отцу... которого сосватал ей мой дед... моя мать так и не обрела покой в любви к мужу. И вот появилось третье поколение... Думаю, мой дед был самым счастливым человеком на свете, когда я объявила о своем решении изучать медицину» [4, Р. 21-23].

Несомненно, что развитие личности Сабины происходило под воздействием слишком разных источников и образов, и единственным свидетелем этих сложностей оставался ее дневник: «До тринадцати лет я была очень набожной. Вопреки многим противоречиям, которые не ускользали от моего взгляда, и, несмотря на насмешки моего отца, я не отказывалась от веры в Бога. Я не могла предать Бога.

Но из этого ничего не вышло. У меня появился «ангел-хранитель»... в пятом классе гимназии. Учитель истории. Христианин... Он сразу произвел на меня глубокое впечатление. На первом же уроке меня поразили его ум, покорили мятежность и печаль в его темных глазах. Именно оттого, что я старалась сохранять особую серьезность в его присутствии, мне не удавалось совладать с собой, и я раздражалась судорожным смехом при виде его странных ужимок...

Потом... я увлеклась этим мужчиной, который раскрыл мне доселе неизвестную область чувств, чьи пределы стремительно расширялись. Я мечтала чем-нибудь пожертвовать ради него, пострадать за него. Моя подруга, еврейка, тоже души не чаяла в этом учителе. Ее тоже восхищал его ум. Мы вместе читали книги по истории и культурологии... и он поставил нам самый высокий балл — 5... потом я к нему охладела...

*После моего отъезда он нашел себе наперсницу в лице моей матери. Должно быть, он тоже полюбил ее, и когда она уехала в Париж, он выбросился из окна, желая покончить с собой. Ему поставили диагноз *dementia praecox* (шизофрения – прим. А.Б.).*

Я разрывалась между ним и дядей Адольфом, о котором я уже упоминала, — это был прекрасный пример переноса образа отца. По уму он не мог сравниться с учителем, но обладал отцовской настойчивостью и несомненными артистическими способностями... В конце концов, дядя тоже влюбился в мою мать... Впоследствии, когда меня отправили в Варшаву, его место занял мой нынешний друг [т. е. Юнг], который оказал на меня куда большее влияние, чем кто бы то ни было» [4, Р. 26-26].

Перед выпиской из клиники Бургхольцли **Блейлер** вручил Сабине медицинское свидетельство, удостоверяющее, что ее лечили от «*нервического расстройства с истерическими симптомами*» [8, Р. 119], и содержащее рекомендацию, необходимую для зачисления в Цюрихский университет в течение летнего семестра и обучения на медицинском факультете. К этому же периоду относится декларация «Последней воли» Сабины Шпильрейн – записанная и подшитая к истории болезни самим Карлом Юнгом. Перевод этого небольшого текста мы приводим полностью:

«После моей смерти я позволяю анатомировать только голову, если она будет не очень страшной. При секции не должно быть юноши. Из студентов могут смотреть только самые прилежные. Мой череп я посвящаю нашей гимназии. Его надо поместить в стеклянный ящик и украсить бессмертными цветами.

На ящике напишите следующее: “И пусть при входе в гроб играет молодая жизнь, и равнодушная природа пусть сверкает вечным великолепием» [13].

Мой мозг я даю Вам. Только поместите его чистым в красивый сосуд, также украшенный, и напишите на нем те же самые слова.

Тело следует сжечь. Но при этом никто не должен присутствовать. Пепел разделите на три части. Одну положите в урну и пошлите домой. Вторую часть развейте по земле посреди нашего большого поля. Вырастите

там дуб и напишите: «Я тоже была однажды человеком. Меня звали Сабина Шпильрейн». Что делать с третьей частью – скажет Вам брат»» [13].

Разумеется, в этом завещании нет ничего, что, хотя бы в минимальной степени, соответствовало еврейской традиции похорон, но, при этом несомненна причастность этого текста еврейской религиозной традиции.

Прежде всего, обратим на эту деталь – только голова (и то, только при условии, что она «будет не очень страшной») достойна сохранения. Мудрецы Талмуда считают, что именно голова Эсава – похоронена вместе с праотцами в пещере Махпела, и этот факт является залогом того, что рано или поздно потомки Эсава совершат покаяние (тшуву).

Более того, по мнению некоторых современных комментаторов Торы (Арье Барац), изначальная близость Яакова и Эсава – столь же непреложный факт, как и их последующее расхождение. В каждом поколении, путь Эсава остается соблазном для потомка Яакова, равно как и путь Яакова – вызов для потомков Эсава. И здесь, в этом странном, почти безумном тексте, внутренняя двойственность Яакова и Эсава проявляется наиболее очевидным образом (Кстати, день рождения Сабины Шпильрейн приходится на 29 Хешвана – день, когда в синагогах читается Недельная Глава «Толдот», повествующая о полных драматизма отношениях между близнецами Яаковом и Эсавом).

Обращает на себя внимание и следующий фрагмент – очевидно, что Карл Юнг записывает со слов Сабины переложение известных стихов А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных»:

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.*

Именно в этом – сознании и ощущении вечности и абсолютной ценности красоты природы и мира – проявление Б-жественного благословения, данного Яфету-Эсаву.

Не менее интересна и мысль о разделении пепла – на три части.

Указание относительно первой части представляется вольным переложением известного стиха из Книги Брейшит (3:19): «в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо **прах ты и в прах возвратишься**».

Вторая часть явным образом отсылает к сюжету встречи Авраама с тремя ангелами (Книга Брейшит, Гл. 18:1-2): «И явился ему Господь у **дубравы** Мамре, когда он [Авраам] сидел при входе в шатер свой, во время зноя дневного. Он возвел очи свои и взглянул, и вот, три мужа стоят против него.

Увидев, он побежал навстречу им от входа в шатер свой и поклонился до земли».

И, наконец, третья часть – представляется наиболее загадочной. Неясно даже, о чьем брате идет речь – самой Сабины или того, к кому обращено послание, и именно это заставляет пренебречь буквальным истолкованием этого обращения (у Сабины, действительно, было три брата, но никто из них не был так близок ей, как единственная сестра Эмилия) – и обратиться к символическому пониманию.

В одном из наиболее известных текстов Сабины Шпильрейн, написанным ею в 1911 г. и ставшем основанием для присвоения ей степени доктора. Он озаглавлен «О психологическом содержании одного из случаев шизофрении (dementia praecox)» и в этом же году опубликован в журнале [12]. Перевод этого текста на русский язык выполнен уже в наши дни С.Г. Жигулевой.

В основе этого текста, как пишет сама С.Шпильрейн, «случай параноидной деменции», выбранный для описания *«потому что пациентка, образованная, начитанная женщина, представляет обширную продуктивность, которая на первый взгляд кажется полной неразберихой совершенно бессмысленных предложений. Я считаю это наилучшим материалом, по возможности полно представленным, а именно в общих чертах дословно, как это сообщила мне пациентка, так что у читателя есть возможность проверить правомерность моих заключений. Я хотела бы только попросить читателя не считать на основе лишь какого-либо фрагмента мои заключения вольными: здесь нельзя избежать того, что я, учитывая весь анализ, забегаю вперед практически с единственным объяснением; далее будет предъявлено доказательство правильности «толкования» [3].*

Достаточно странно, что, несмотря на значимость этого текста в жизни и профессиональном становлении С. Шпильрейн, напрочь отсутствуют какие-либо сведения, кем могла быть эта неназванная женщина, многие из симптомов которой удивительно перекликаются с тем, что было записано в истории болезни самой Сабины. Не менее удивительно и то, что в качестве правильности выводов являлись «непосредственные, спонтанные сведения пациентки», а в самом процессе терапии ей приходилось «овладевать языком пациентки», защищаться от ее внушения и т.д.

В любом случае, гипотеза о том, что диссертация Сабины Шпильрейн была, по сути дела, рефлексией ее дневника, своеобразным «средством исцеления» - слишком смела и едва ли найдет какие-то обоснования. Но нас, в данном случае, интересует нечто другое. Комментируя «бредовые симптомы», в заключении С.Шпильрейн пишет: *«Фрейд и Юнг показали нам, что бредовая*

система больных ни в коей мере не является бессмысленной, а следует тем же законам, что и сновидение, которое всегда раскрывается как разумная комплексная обработка... Сравнение с мифологическим образом мыслей указывает на особое родство механизма сновидений с архаическим мышлением. Во время обследования этой больной у меня действительно сложилось такое впечатление. Если Фрейд и Юнг главным образом сначала сравнили феномены невроза и сновидения с проявлениями шизофрении, то я считаю, что при помощи филогенетического способа рассмотрения можно дополнить существенную часть точки зрения Фрейда и Юнга» [3].

«У человека двойное переживание: сознательное и бессознательное; бессознательному переживанию подходит важная функция создания чувственных тонов... Лишь благодаря присоединению бессознательного к сознательному переживанию последнее становится действительным переживанием. Бессознательное дополняет весь сложившийся соответствующим образом материал воспоминаний...» [3].

«Если мы, например, радуемся какой-либо сказке или стиху, то это происходит потому, что в бессознательном возникает отмеченное радостью представление, которое мы теперь переживаем, поскольку новое содержание представления вступает в связь со старым и тем самым принимает участие в общем чувстве радости. При этом нам кажется, что чувство радости относится к новому содержанию представления, что мы в соответствии с этим радуемся в настоящем, в то время как в действительности наша радость все же относится к предшествующим переживаниям, а именно не только нашим личным, поскольку мы также унаследовали результаты переживаний наших прародительниц...» [3].

«Теперь мой материал показывает, что эти глубины Я отчасти состоят из «представлений», которые, кажется, принадлежат прошлому, простирающемуся над индивидуумом. В это прошлое пациентка приносит свое настоящее переживание» [3].

«...Таким образом, мне кажется, что своим появлением символ вообще обязан стремлению комплекса к умножению, к растворению в общей совокупности мышления. Незначительное умножение — это представление собственного комплекса в другом человеке; вместо «я переживаю» говорят «она переживает». Вследствие этого комплекс лишает индивидуальности. В большой степени для этого растворения подходят только что упомянутые неясные общие понятия. Бессознательное растворяет настоящее в прошлом. Но мы также знаем, что сновидение — это исполнение желания и в соответствии с этим занимается будущим» [3].

«Будущее также превращается в прошлое, потому что конфликты представляются через древние символы и также прекращаются этой символикой, как если бы они произошли давно и были исчерпаны. Итак, бессознательное также придает собственное значение будущему: индивидуальное будущее превращается в общее филогенетическое прошлое, и наряду с этим оно приобретает для индивидуума значение будущего» [3].

«Таким образом, мы видим в бессознательном что-то, что находится за пределами времени или одновременно настоящее, прошлое и будущее. В соответствии с этим бессознательное позволяет нам судить о настоящих личностных конфликтах, о конфликтах филогенетического прошлого, из которого происходят личные переживания и, возможно, о будущем развитии вещей, потому что будущее состоит из прошлого (собственно, это лишь форма прошлого)» [3].

...Сказанное требует огромного труда понимания, осмысления, комментирования, явным образом выходящего за пределы нашего сегодняшнего разговора о Сабине Шпильрейн. Поэтому, ограничимся все одним ключевым фактом из Торы, и кратким вопросом. Факт заключается в том, что известный «Тетраграмматон» («йуд-hey-вав-hey»), который воспринимается (хотя и не является!) в большинстве нееврейских источников в качестве Имени В-вышнего, есть совмещение признаков трех времен – Прошлого, Настоящего и Будущего в их неразрушимом Единстве. И в этой связи, возникает вопрос – не являлась ли та самая пресловутая «болезнь» Сабины, равно как и ее удивительно быстрое выздоровление – лишь различными проявлениями внутреннего религиозного чувства, в равной степени переживающего как собственную судьбу, так и вечные слова Торы?

Рис. 3

Шпильрейн – Юнг – Фрейд.

Единственный факт, признаваемый всеми исследователями истории психоанализа, заключается в том, что еврейка из России Сабина Шпильрейн на протяжении многих лет была пациенткой и корреспонденткой Карла Юнга, а также – состояла в активной переписке и общении с Зигмундом Фрейдом. Мнения о сущности, значении этих отношений существенно расходятся: большинство уверено в наличии любовной связи Сабины и Карла; существуют и более радикальные воззрения – одни полагают, что существовавшее между ними чувство не имело ничего общего с интимной близостью (Цви Лотан); другие – с меньшей уверенностью говорят о том, что интеллектуальный роман Сабины со стареющим Фрейдом был одной из причин отхода Юнга от психоанализа и создания им своеобразной «аналитической психологии».

Стоит отметить, что ни одна интерпретация этого конфликта не является, исчерпывающей, и требует не только детализации всех относящихся к этому делу фактов, но, прежде всего, качественного осмысления.

Как пишет один из современных психоаналитиков Альдо Каротенуто [1]: «Столь пристальное внимание к теме, очевидно, объясняется ее глубинным символизмом, который, выходя за рамки конкретного эпизода, захватывает любого (историка, клинического врача, художника), кто намеревается

исследовать значение страсти, не только в индивидуальной судьбе, но и в истории человеческой мысли...»

Между тем, нам представляется, что, несмотря на множественность интерпретаций этого треугольника, духовный аспект и религиозный смысл произошедшей драмы еще не вполне осознан. Итак, с августа 1904 г. по июнь 1905 г. Сабина проходит лечение у Карла Юнга. В этот период она начинает интересоваться психоанализом, и летом 1905 г. ее состояние настолько улучшается, что она может покинуть клинику и даже поступить в Университет Цюриха на Медицинский факультет, который оканчивает в 1911 г. Примерно в те же годы (с 1906 по 1913 гг.) происходит интенсивная переписка Юнга и Фрейда, в которой мотивы почтительного ученичества Юнга постепенно сменяются взаимным непониманием и указанием на недооценку иных (не только сексуальных) мотивов в психических расстройствах.

Впервые имя Сабины появляется в письме Юнга З.Фрейду от 25 сентября 1905 г.: *«Дорогой профессор Фрейд, дочь фрау Шпильрейн, фройляйн Сабина Шпильрейн, студентка медицинского факультета, страдает истерией. Пациентка имеет серьезный наследственный порок, ее отец и мать были истериками, в особенности, таковой была мать. Брат пациентки с юных лет страдает истерией в тяжелой форме. В настоящее время пациентке 20 лет, ее болезнь отчетливо проявилась на протяжении последних трех лет. Тем не менее, патогенные эпизоды и переживания, разумеется, относятся к ранней поре ее жизни... Благодаря анализу, ее состояние заметно улучшилось, и оказалось, что она – весьма интеллигентный и талантливый человек, способный на самые тонкие чувства. Впрочем, она проявляла известную неосмотрительность и пристрастность, совершенно не понимая, как подобает себя вести в соответствии с правилами хорошего тона, что, несомненно, следует отнести на счет ее русского характера...»*

В ходе лечения пациентку угораздило влюбиться в меня. Она постоянно потчует мать ужасными небылицами об этой любви, и отнюдь не последним поводом к тому является тайное злорадство, которое она испытывает, запугивая мать. Поэтому ее мать готова в случае необходимости передать ее на попечение другого врача, с чем я, естественно, согласен».

Как показывают последующие события, реальная картина взаимоотношений Юнга и Шпильрейн гораздо сложнее, чем пытается изобразить Юнг. Так, летом 1908 г. Юнг пишет Сабине, которая в это время находится в Ростове на каникулах:

*«Для фройляйн студентки медицины
Сабины Шпильрейн*

*на адрес господина **Н. Шпильрейн***

Ростов н/Дон

Россия

19. 08. 1908

Русский штемпель: Ростов-Дон 27. 08. 1908

Любимая!

Только что я получил Ваше дружеское письмо, и у меня возникло впечатление, что Вы чувствуете себя в Ростове не совсем хорошо. Понимаю Вас. Я благодарен Вам за Ваши добрые любимые слова. Теперь я вновь совершенно спокоен. Каникулы хорошо успокоили мои нервы. Каждый день я делаю большую прогулку по горам, чаще всего в полном одиночестве. Мне это приносит большую радость. Комплексы начинают занимать присущее им законное место, так что вновь приходит ясность. Вы можете извлечь из дружбы много пользы и моё сердечное пожелание, чтобы Вам удалась Ваша жизнь с минимумом несуразностей и вызываемых ими болей. Никогда не теряйте надежду, что труд, в который Вы вложили душу, приведёт к хорошему концу. Сегодня я могу писать Вам лишь вкратце, так как возвратился домой очень усталым после большой прогулки. Пишите мне постоянно в Бургхёльцли. С сердечной любовью, Ваш Ю.» [3].

В другом письме, написанном 30 июня 1908 г. Юнг пишет: «Как же велико было моё счастье найти в Вас человека, который »esprit fort« (фр. – «сильный духом»), который никогда не впадает в сентиментальность, чьим истинным и внутренним условием жизни является собственная свобода и независимость» [4, Р. 190]. И еще: «Ваше письмо, словно солнечный луч, блеснувший между облаками... Всю последнюю неделю я чувствовал себя не совсем здоровым, был несколько истеричен, да и простуда брала своё, она уложила меня на целый день в постель. Вот тут и пригодилось Ваше письмо для поднятия настроения, да так, что моя энергия возросла невероятно» [4, Р. 192] (письмо от 12 августа 1908).

Через несколько месяцев после возвращения Сабины из России, Юнг пишет: «Я во многом теперь раскаиваюсь, раскаиваюсь в моей слабости и проклинаю судьбу, угрожающую мне... Простите ли Вы мне то, что я таков, каков есть? Что я оскорбляю Вас этим и забыл по отношению к Вам обязанности врача?... Я ищу человека, достойного любви... которому удаётся не обременять любовь социальными достоинствами или недостатками... Моё несчастье заключается в том, что в своей жизни я не могу обходиться без бурной, вечно меняющейся любви... Иначе пострадает моя работа, а она кажется мне более важной, чем актуальные проблемы и страдания.

Предоставьте мне в это мгновение немного от той любви и терпенья, которые я предоставлял Вам во времена Вашей болезни. Теперь болен я...» [4, Р. 195-196] (письмо от 4 декабря 1908).

Для адекватного понимания происходящего, следует только напомнить, что к тому моменту Сабина уже 3 года не является пациенткой Юнга, Юнг – женат, у него две дочери; и они с женой ждут третьего ребенка – сына. Дополнительный драматизм истории сообщает тот факт, что родственники Сабинины оказываются в курсе происходящих событий: весьма вероятно, что мать Сабинины вскрывает письмо Юнга, направленное Сабине во время ее пребывания в Ростове. Уже находясь в Цюрихе, Сабина получает письмо от матери:

«Дорогая Сабиночка!

*«После твоего отъезда я никак не могу успокоиться, и я не знаю, что я должна писать. Я не могла успокоиться даже на минутку, занималась уборкой комнаты, чтобы не было времени подумать и заняться собой. По ночам я думала о тебе и о нём, а после того как у меня пропали все надежды получить от тебя какие-либо вести, и когда моё сострадание к твоей судьбе достигло критической точки, я неожиданно получила письмо, адресованное тебе. Я была настолько взволнована, что не могла прочитать ни слова. Тысячу раз прошу меня простить за то, что я вскрыла конверт. Я сделала это только потому, что была уверена в том, что ты и сама дала бы мне прочесть письмо. Я попросту должна знать, как он думает поступить с тобой, так как всё моё настроение полностью зависит от этого. Письмо его успокоило меня. Оно говорит о преданной дружбе с некоторой примесью чего-то другого, что наверняка никак иначе как естественным не назовёшь. Он часто вспоминает тебя, холеру (эпидемию), твою душу. Скорее всего, он пребывает сейчас в путях конфликта, мой совет тебе и ему: не позволяйте любви захватывать власть над вами, подавляйте её, чтобы она не вспыхнула в полной силе. Правильно ли я всё поняла? Победит тот, кому это удастся, остальные останутся на поле боя. Уверена, что ему удастся победить себя. Он пишет, что это необходимо в интересах его жизни, то есть жены и детей. А что будет с тобой? Возможно, я неправильно поняла? Как бы всё ни пошло дальше, мне понравился тон его письма, особенно границы, которые он ставит для тебя и себя. Думаю, что лучше быть не может. В нём ты нашла человека, преданного тебе, проявляющего к тебе некоторую любовь (а больше и **нельзя себе позволить**, ты должна удовлетвориться тем, что сейчас имеешь), человека, к которому ты питаешь уважение и признание, что ты и сама получаешь от него, что ещё тебе нужно? Ты должна испытывать счастье,*

так как получила гораздо больше, чем могла бы пожелать. Если ты желаешь, чтобы он развёлся со своей женой, тогда всё дело принимает совсем другой оборот, а если нет, не следует заходить дальше. Самое важное – это понять, что его можно завоевать, только ни к чему хорошему это не приведёт. Ваши отношения невозможно как-либо улучшить. Не мучай себя, подави свои чувства, чтобы потом не страдать и продолжай встречаться с ним лишь как с другом. Он, как и ты, также нуждается в тебе, только не страдает, а наоборот, ему становится с каждым разом лучше и лучше. Я очень сильно прошу тебя не рассказывать ему, что я вскрыла его письмо. А по поводу мармелада скажи ему, что ты привезла мне фрукты, но большего сделать не можешь. Сними для себя красивую комнату, пригласи его и напиши мне, как прошла ваша встреча. Ты можешь даже говорить с ним о любви, но не уклоняйся от своей позиции, это может послужить тебе хорошим уроком. Пока ты можешь не скрывать своих чувств» [6, Р. 49-50].

В ответ дочь пишет следующее:

«Дорогая мамочка,

я вообще не способна что-либо написать, так как невозможно рассказать в письме о важных вещах. Мне нужно сказать тебе очень много. К несчастью, Цюрих слишком далеко от Ростова. Я не могу послать тебе его письма, это слишком рискованно, а рассказывать всё было бы слишком долго и утомительно. Насколько чудесной бы могла оказаться возможность принять твёрдое решение; а вместо этого я всё время провожу в раздумьях, хотя смысла в этом никакого нет, так как *ducunt volentem Dei, nolentem trahunt* это обозначает, что Боги руководят принимающими и податливыми, а недовольных и возмущающихся превращают в пыль (более верно сказано **Сенекой-младшим**: *ducunt volentem fata, nolentem trahunt*: принимающих и податливых ведёт судьба, сопротивляющихся же она устраняет). Совсем недавно **Юнг** завершил писать статью »Über die Rolle des Vaters im Schicksaale [sic] des Einzelnen« (Роль отца в судьбе индивида), вызвавшую огромный переполох. В статье **Юнг** показывает, что выбор будущего объекта (любви) определяется первыми взаимоотношениями ребёнка со своими родителями. То, что я его люблю, также верно, как и его любовь ко мне. Для меня он отец, а я для него мать, или говоря точнее, женщина, ставшая первым объектом, заместившим мать (его мать заболела истерией, когда ему было всего два года); он настолько сильно привязался к (эрзац)женщине, что даже в её отсутствии продолжал её чётко видеть в галлюцинациях, etc., etc. Не знаю, почему он влюбился в свою жену... Допустим, что его жена не удовлетворяет его »полностью«, тогда он влюбляется в меня,

в истеричку; а я влюбляюсь в психопата, нужно ли мне пояснять это тебе? Я никогда не принимала своего отца за нормального человека. Его безумная страсть к «самопознанию» в такой же сильной степени проявляется и у Юнга, для которого его научная деятельность является самым важным делом в жизни... Неровный взрывной характер вместе с необычайно высокоразвитой чувствительностью, потребность в страдании и эмпатии *ad tagnit* [выступающие в чрезмерной мере]. Ты можешь делать с ним всё, что хочешь – и что хочешь от него получить, затрачивая только любовь и нежность. Дважды подряд в моём присутствии эмоции столь сильно завладевали им, что по его лицу начинали струиться слёзы. Если бы ты могла укрыться в соседнем помещении и слышать, как он заботится обо мне и моей судьбе, то ты бы и сама разразилась слезами. А затем он начинает бесконечно упрекать себя за испытываемые им чувства, например, говорит, что я являюсь для него чем-то святым, что он готов извиняться передо мной, etc. Я не могу назвать тебе в точности его слова, так как они немножко сентиментальны, но ты явно сможешь их себе хорошо представить. Вспомни хотя бы то, как любимый папа точно такими же словами извинялся перед тобой! Мне неприятно упоминать обо всех упрёках, адресованных им в свой адрес, так как в этом повинны или оба мы, или же никто. Подумай и о том, как много пациенток уже видели его и, несомненно, в него влюблялись, и, тем не менее, ему удавалось вести себя только как врач, так как он их не любил! Но ты знаешь и о том, как отчаянно он сражается со своими чувствами! Что тут можно поделать? Многие ночи ему пришлось страдать из-за мыслей обо мне. Мы даже искали способ расстаться. И, тем не менее, подобного рода попытки нам пришлось отбросить как несостоятельные, так как мы оба живём в одном городе, в Цюрихе... Он чувствует себя ответственным за мою судьбу и даже взвыл, когда стал говорить об этом... Он не желает стоять на моём пути к счастью... и у него есть достаточно веские причины тревожиться за моё будущее (в случае нашей разлуки). – Наша беседа об этом состоялась примерно две недели назад, оба мы почувствовали себя после неё совершенно разбитыми, неспособными сказать ни слова и т. д. Диалогу сердец пришёл конец. *Discunt volentem Dei, nolentem trahunt*. Мы неподвижно застыли, нас охватывала нежнейшая поэзия... А завтра будь хоть что, темнота и холод! Я желаю сегодня открывать моё сердце солнцу! Я хочу быть счастливым! Хочу быть молодым! Хочу быть счастливым, это именно то, чего я действительно хочу! [Последние четыре предложения написаны от мужского лица, словно бы Шпильрейн изображает настроение Юнга]. А потом я получила открытку и письмо о том, что не стоит печалиться.

В последнюю пятницу он вновь посетил меня. И опять поэзия, и как всегда я опять буду прощать ему в течение всей моей жизни любые его коварные планы: он не спал ночь, был изнурён; и более не мог защищаться. - Но одновременно я должна сказать: когда-либо он тоже простит мне всё плохое, что причинила я ему! Различие между нами лишь в том, что я знаю, что для него научная деятельность является самым важным делом в жизни, ради неё он может вынести всё... Для меня вопрос стоит только так: как мой интеллект относится ко всей этой истории, а проблема заключается в том, что интеллект не знает, как он должен к этому отнестись. Для меня остаётся вопросом, должна ли я всем своим существом предаться мощному водовороту жизни, радуясь сиянию солнца или же, когда накрывает мрачное настроение, направить свои чувства на ребёнка или науку, то есть, на научную активность, которую я так люблю? Во-первых, кто может знать, чем завершится эта история. »Неисповедимы пути Господни«. В любом случае, сегодняшняя молодёжь видит эти вещи по-иному, и вполне вероятно, что я влюблюсь заново, причём успешно, то есть найду для себя супруга. – Только, пожалуйста, не забывай, что такое может быть лишь в очень отдалённом будущем, так что об этом пока не стоит беспокоиться. А до этого мы будем пребывать на уровне поэзии, которая, конечно же, не представляет опасностей, на этом уровне мы будем долго оставаться, возможно, это продлится до тех пор, пока я и сама не стану врачом, если не изменятся обстоятельства» [6].

Я пишу только тебе, так как без твоего материнского благословения я не могу быть счастлива, то есть, без твоего одобрения моих намерений. А, кроме того, только ты и можешь радоваться, когда со мною всё хорошо. А что будет потом? В самом лучшем случае мы никогда не сможем сказать, что случится позднее, где нас поджидает счастье. Совсем недавний пример. Одна из **Юнговских** пациенток отправилась путешествовать по горам, чтобы преодолеть свою любовь к нему, и переспала с одним из молодых мужчин. Она забеременела, а мужчина, который её соблазнил, оказался необычайно ограниченной персоной, сразу же оставил женщину. Та больше не могла выносить его и в отчаянии хотела покончить с собой. Она бы это и сделала, если бы **Юнг** в очередной раз не спас её...» [6, Р. 51-53] (Перевод русского манускрипта письма Шпильрейн; с сохранением выделения, сделанного Шпильрейн).

В марте 1909 г. **Юнг** вновь начинает писать **Фрейд** о **Шпильрейн**, но тон его писем уже изменился: он начинает чувствовать, что его «чрезмерно эксплуатируют». **Фрейд** он пишет так: «и под конец о плохом. Мною сейчас

ужасно завладел один из комплексов: а именно, пациентка, которую я несколько лет назад с огромнейшей преданностью избавил от тяжелейшего невроза, разочаровала меня, нанеся немыслимо тяжёлый удар по моему доверию и дружбе. Она устроила мне разрушающий всё скандал, причём исключительно из-за того, что я отказался удовлетворить её желание иметь от меня ребёнка... Я несказанно многому научился в мудрости ведения брака, так как до этих пор, несмотря на весь проведённый мною самоанализ, у меня было недостаточное представление о моих полигамных компонентах. Теперь я знаю, где и каким образом пребывает чёрт... А в результате сильно выросли уверенность и глубина взаимоотношений с моей женой» [5, Р. 232; 13, Р. 229-230].

Шпильрейн тоже изменилась к этому времени. Она уже четыре года изучает медицину, специализируется в тех самых психических болезнях, с излечения от которых начались ее отношения с Юнгом. Несомненно, она склонна к эмоциональным порывам и депрессии, к бурным проявлениям эмоций, она может влюбляться и жертвовать собой, и, конечно, она самостоятельна и «амбициозна». Юнг продолжает амбулаторное консультирование Сабины и, в качестве врача, обсуждает некоторые проблемы с З.Фрейдом. Еще в 1908 г. он подал Блойлеру прошение об отставке, но она не принята. В марте 1909 г. отношения с Сабиной заходят в тупик, и Юнг принимает бесповоротное решение уйти из клиники.

В объяснительном письме Фрейду, Юнг говорит о том, что Сабина *«планомерно соблазняла меня, несмотря на то, что я считал это неуместным. А теперь она собирается отомстить. Недавно она распустила обо мне слухи, что вскоре я разойдусь со своей женой и женюсь на студентке, что вызвало возмущение у некоторых из моих коллег»* [5, Р. 236; 13, Р. 252]. Фрейд сочувственно отвечает «дорогому другу»: *«Такие переживания болезненны, но необходимы и почти неизбежны... И хотя сам я не попался на эту удочку, я не раз бывал в двух шагах от этого, и мне насилу удалось спастись».*

Ситуация окончательно запутывается, когда 30 мая 1909 г. сама Сабина Шпильрейн отправляет З.Фрейду письмо: *«Уважаемый господин профессор. Я была бы чрезвычайно Вам благодарна, если бы Вы смогли принять меня... Возможно, что Вы посчитаете меня за отважную искательницу славы, которая стремится загрузить Вас запутанной работой, «делающей Вас знаменитым на весь мир» или что-нибудь в этом роде. Но это отнюдь не так, меня к Вам приводит другое»* [5, Р. 89]. 3 июня Фрейд передаёт это письмо Юнгу, сопровождая письмо своим вопросом: *«Что это такое? Тщеславие, поклён или паранойя?»* и просьбой *«по телеграфу в нескольких*

словах дать сведения о даме, написавшей письмо, если Вы что-нибудь о ней знаете», а также совет «и, конечно же, **не** мучайте себя» [13, Р. 250] (от 3.6.09, S. 250).

В ответном письме от 4 июня Юнг пишет: «Дорогой профессор **Фрейд**, сейчас я и не знаю, что еще можно добавить к сказанному: я уже писал Вам о **Шпильрейн**. Об этом случае я упоминал вкратце в своей достопамятной лекции в Амстердаме. Это был, так сказать, мой образцовый случай, поэтому я вспоминаю о ней с особой благодарностью и нежностью. Зная по опыту, что она тотчас заболит снова, если лишится моей поддержки, я продолжал общаться с ней на протяжении нескольких лет и считал это дружеское участие своим нравственным долгом, но когда понял, что дело приобретает нежелательный оборот, тотчас порвал с ней всякие отношения. Она, несомненно, хотела меня соблазнить, а я счел это неприемлемым. Теперь она хочет взять реванш. В последнее время она распространяет слухи, будто бы я собираюсь развестись с женой и жениться на какой-то студентке, от чего бросает в дрожь многих моих коллег. Не знаю, что еще она задумала. Полагаю, ничего хорошего, — если только Вы не согласитесь стать посредником. Я хотел бы подчеркнуть, что порвал с ней начисто... Я пытался устранить ее *gratis* [безответственность] (!), проявляя невероятное терпение, и даже злоупотреблял ради этого нашей дружбой. Естественно, вдобавок ко всему для такого механизма мне понадобился бы разводной ключ нестандартных размеров. Как я уже отмечал, мой первый визит в Вену произвел на меня сильные бессознательные впечатления... эта неотвязная страсть к одной еврейке... которая внезапно объявилась в другом облике, в облике моей пациентки» [13, Р. 228-229].

История завершается в течение месяца: 21 июня 1909 г. Юнг пишет Фрейду: «Я рассказал Вам из моей аферы со **Шпильрейн** лишь хорошее... Наше расставание поражает своей банальностью. Позавчера фройляйн **Шпильрейн** зашла ко мне и **вполне прилично** говорила со мной, причём обнаружилось, что виновницей распространения слухов обо мне оказалась не она. Вполне понятно, что из-за охватившего меня бреда отношений я приписал это ей, в чём теперь должен признаться» [5, Р. 240; 13, Р. 260] (от 25.6.09). И далее: «Не впадая в беспомощное раскаяние, я сильно сожалею о грехе, который совершил, так как я в большой степени **виновен** в сформировавшихся у моей **прежней пациентки** больших надеждах. Так я вполне серьёзно обсуждал с нею возможность иметь детей, естественно, это не обошлось без сильного влияния Эроса. Я также полностью приписал надежды исключительно моей пациентке, вместо того, чтобы заметить их и

у себя... Охваченный моим бредом, я рассматривал себя как бы безвинной жертвой сексуальных преследований со стороны моей пациентки... которая совсем недавно была **моей подругой**... иначе как подлостью, спровоцированной страхом, мои действия назвать нельзя, в чём я вынужден признаться Вам как моему отцу» [5, Р. 240; 13, Р. 260-261] (выделение мест в тексте – Z. L.).

Видение ситуации со стороны Шпильрейн представлено в ее июньском письме к Фрейд: «Вы наверняка подумаете, что я обращаюсь к Вам ради того, чтобы Вы водрузили мир между мною и доктором **Юнгом**. Однако мы вообще никогда не ссоримся! **Моим самым горячим желанием является расставание с ним любя**. Я достаточно проанализирована, знаю себя достаточно и понимаю, что лучшим для меня было бы грезить на расстоянии... Более трёх месяцев я подробно всё анализировала, я уединилась на природу, пытаюсь этим спасти себя и свой идеал; ... а результатом было то, что я чувствую себя ещё более одинокой, так как мне не удалось спасти моего любимого и мысль о том, что он может превратиться в никчемного человека, что он провёл со мной первый эксперимент и т. д., и т. д. приводит меня в полное бешенство...

Единственное спасение я вижу в возможности поговорить с человеком, который его глубоко любит и честует, с человеком, обладающим глубокими познаниями в понимании людей. а когда я получила Ваше последнее письмо, сколь бы обидным оно для меня ни было, слёзы полились у меня из глаз: «Он любит его! Если бы ему удалось всё понять!»» [5, Р. 90-91] (Выделено Шпильрейн).

По просьбе **Юнга**, **Фрейд** отправил Сабине письмо, в котором всячески оправдывает Юнга: «Уважаемый коллега, доктор **Юнг** – мой друг и коллега; я полагаю, что хорошо знаю его и в другом качестве, и поэтому имею основания верить в то, что он не способен на легкомысленное и вульгарное поведение. Мне не по душе роль судьбы в его делах личного свойства... однако я не вправе забывать о древнем судебном законе, который гласит *audiatur et altera pars* [выслушаем и мнение другой стороны].

Не желаете же Вы, чтобы я поступил неразумно. Судя по Вашим письмам, Вы были близкими друзьями... а теперь перестали дружить. Возможно, эта дружба возникла благодаря врачебным консультациям, и, должно быть, его стремление помочь человеку, пребывающему в душевном смятении, вызвало у Вас симпатию? Я склоняюсь к этой мысли, ибо знаю много похожих случаев. Но я понятия не имею – как и по чьей вине все закончилось печально, да и не хочу об этом судить. И если после вышесказанного я обращаюсь к Вам, то лишь затем, чтобы убедить Вас

задуматься: не лучше ли Вам самой сдержатъ или искоренить в душе чувства, пережившие эти близкие отношения, избегнув вмешательства третьей стороны.

Если эти замечания покажутся Вам неуместными, то прошу Вас не толковать их превратно» [4, Р. 114].

Несмотря на примирительный тон письма, осторожный З.Фрейд видит в этом эпизоде нечто большее, чем досадное происшествие, и на Втором Психоаналитическом конгрессе в Нюрнберге (30-31 марта 1910 г.), делает доклад с говорящим названием «Будущие шансы психоаналитической терапии»: *«Мы должны уделить большое внимание личности врача. Обнаружен новый феномен – контрперенос, который возникает у врача под воздействием пациента на бессознательные чувства врача, причём мы недалеко от того, чтобы начать требовать от врача выявление в себе и преодоление такого рода контрпереноса. С тех пор мы наблюдали за большим числом персон, овладевающих психоанализом и обменивающихся своим опытом друг с другом. Мы обнаружили, что любой психоаналитик лишь настолько идёт вперёд, насколько это ему позволяют его собственные комплексы и внутреннее сопротивление...»*

Сабина по-своему переживает расставание. В своем дневнике за 1910 г. она пишет: *«Дружба. Неужели она может быстро исчезнуть?.. Мать сказала, что после того как мы одарили друг друга любовью, невозможно чтобы я и мой друг продолжали оставаться друзьями. Чистая дружба не может долго выдержать мужчину. Если я хорошо к нему отношусь – тогда я захочу любви, а если я постоянно проявляю холодность – тогда это отобьёт у него охоту продолжать отношения. Это привело меня в ужасно плохое настроение, как всё тяжело! О Господи, что же я должна делать? Если бы я могла быть уверена, что мне удастся умолить судьбу, что произнесённая мною просьба-мольба когда-нибудь реализуется, тогда бы я попросила её: судьба, сделай так, чтобы мы, я и мой друг, оказались исключениями, чтобы мы постоянно встречались, излучая дружеское участие, что мы поддерживали друг друга в счастье и страдании, чтобы даже расставаясь, мы образовывали одну душу, чтобы мы продолжали стремиться к дальним высотам или как говорит мой друг, «к добру и красоте», чтобы мы были опорой для слабых людей. Сделай так, чтобы я была его ангелом-хранителем, вдохновляющим его духом, не устающим подстёгивать его к Новым Великим свершениям. Но немного ли я хочу? Если слишком многого – тогда это не может интенсивно продолжаться в течение длительного времени. Но возможно мне удастся отыскать Кого-то, кто станет на его место, Кого-то, кого я смогу назвать*

своим мужчиной, испытывая наивысшее блаженство. А с моим сегодняшним возлюбленным мы могли бы оставаться хорошими старыми друзьями. Возможно ли такое? Что ожидает меня по возвращении в Цюрих? Я боюсь даже подумать об этом. Почему я не могу быть счастливой? Почему в свои лучшие молодые годы я день за днём должна ложиться в постель, обременённая тяжелейшими мыслями? Ах, нет, ангел-хранитель, сделай так, чтобы между нами сохранялась чистая, высокая дружба, именно в том смысле, которым я наделяю это слово, сделай так, чтобы мне было вполне достаточно этого чувства, словно бы это был лёгкий лучик солнца в моём одиночестве!?»

Однако, постепенно, фокус во взаимоотношениях Сабины и Карла смещается от экзальтированной эмоциональности – к деловому сотрудничеству. В зимнем семестре 1910/11 гг. Сабина Шпильрейн завершает обучение медицине, и по условиям должна представить диссертацию. В ней она исследует «психологический материал случая шизофрении (dementia praecox)». Немаловажно и то, что это – первый в истории случай написания психоаналитической диссертации женщиной.

26 ноября 1910 г. С. **Шпильрейн** записала в своем дневнике: «Да, первая цель, которой я хочу достичь, - сделать свою диссертацию столь хорошей, чтобы она обеспечила мне членство в Психоаналитическом обществе. Но гораздо важнее для меня мое второе исследование - "О влечении к смерти"», но еще за два месяца до этого, она отправляет свою диссертацию на проверку к Блойлеру. Вскоре она получает от Блойлера краткую записку, приведшую ее в восторг: «Господи, насколько я в действительности счастлива! Только что получила от проф. **Блойлера** письмо: «Уважаемая фройляйн! Не могли бы Вы попытаться послать работу господину доктору **Юнгу** в Кюснахт, чтобы он проверил, насколько она подходит для журнала *Jahrbuch*. С превеликим уважением преданный Вам **Блойлер**»... Всё идёт так хорошо, как я даже ожидать не могла. Прекрасный папаша! Он всё-таки не забыл! Что следует мне ему написать? Я хотела бы ему так много сказать о том, насколько я ему благодарна, но уважение не допускает много слов... Осталась лишь одна последняя забота: посчитает ли доктор **Юнг** мою работу подходящей для журнала. Ах, ангел-хранитель, как хорошо бы быть теперь увереннее! Возможно ли, что и для меня когда-нибудь взойдёт счастливая звезда? Возможно ли, что в моих «фантазиях» содержится хотя бы кусочек истины? Благодарю тебя, благодарю тебя тысячу раз, благосклонная судьба... (запись в дневнике от 9 октября 1910 г.).

Разумеется, возврата к прежним отношениям нет. Меняется и отношение Юнга к Сабине: теперь он склонен видеть в Сабине не «музу» и не источник своих переживаний, но младшего коллегу, за судьбу которого он несет определенную ответственность. В сентябре 1911 г. он пишет С. Шпильрейн: *«Я позволю себе откровенно дать Вам совет, поскольку после долгих размышлений мне удалось изгнать из своего сердца всю горечь по отношению к Вам. Конечно, она не имеет никакого отношения к опубликованной Вами диссертации, а лишь отражает те страдания, которые я пережил из-за Вас и которые Вы пережили из-за меня... Фрейд, конечно, примет Вас в свой круг. Он несколько раз упоминал Вашу диссертацию (на конгрессе в Веймаре в сентябре 1911 г. – А. В.) – доказательство того, что Вы произвели на него впечатление... Обратитесь к нему как к великому учителю и рабби, и все будет хорошо».*

Вскоре С.Шпильрейн направляется в Вену, где 29 ноября состоится ее доклад по теме «Деструкция как причина порождения бытия». Однако утраченное взаимное доверие между нею и Юнгом постоянно сказывается на ее состоянии, и за три дня до выступления, Сабина записывает в своем дневнике: *«Я очень опасаясь, что мой друг, который намеревался упомянуть мою идею в своей статье, опубликованной в июле, и признать мой приоритет, может просто присвоить идею, поскольку теперь он собирается говорить о ней, как о возникшей еще в январе. Может быть, это просто необоснованная недоверчивость с моей стороны? Я так хотела бы, чтобы дело оказалось именно в этом – ведь мое второе исследование должно быть посвящено ему, моему уважаемому учителю. Но как могу я уважать человека, который лгал мне, который украл мою идею, который оказался мне не другом, а мелочным корыстолюбивым соперником? Как могу я любить его? Ведь я люблю его, несмотря ни на что. Вся моя работа пронизана этой любовью. Я люблю его и одновременно ненавижу, потому что он мне не принадлежит. Было бы невыносимо оказаться в его глазах простофилей. Нет, я хочу быть благородной, гордой, всеми уважаемой! Я должна быть достойна его, и идея, которой я дала жизнь, должна появиться под моим именем».*

Выступление С. Шпильрейн перед Венским психоаналитическим обществом было достаточно удачным, и З. Фрейд в письме, отправленном К. Юнгу на следующий день после выступления (30 ноября 1911 г.), добавив о С. Шпильрейн: *«Она очень мила, и я начинаю понимать».* Позже, в письме от 21 марта 1912 г., он высказал свою оценку статьи С. Шпильрейн: *«что касается статьи Шпильрейн, я знаком только с одним ее разделом, который она читала на Обществе. Шпильрейн весьма неглупа, все, что она говорит, не*

лишено смысла. Однако ее идея о стремлении к разрушению мне не особенно нравится, поскольку я считаю, что это определяется личностью. Она представляется мне чрезмерно амбивалентной».

По сути дела, этими словами можно описать отношение к С. Шпильрейн как со стороны К. Юнга, так и со стороны З. Фрейда: внешнее выражение симпатии, некоторая снисходительность в оценках и, одновременно, смутное ощущение раздражения, а, возможно, и опасности в отношении их собственных построений, исходящей от этой невысокой худенькой женщины.

Так, в марте 1912 г. Юнг пишет ей: «Исследование превосходно и содержит замечательные идеи, и я счастлив признать Ваш приоритет», а неделей позже в письме З.Фрейду придерживается совершенно иного тона: *«Как раз перед своим отъездом я работал со статьей Шпильрейн. Должен сказать: «Лик от красавицы девы, а хвост от чешуйчатой рыбы» [цитата из Горация]. После весьма многообещающего начала следует беспомощное завершение... Она слишком мало читала... Кроме того, ее статья ужасно перегружена ее собственными комплексами».*

Если же говорить об отношении Шпильрейн к двум основоположникам психологии XX в., то оно остается всегда – серьезным и вдумчивым. Понимая все более углубляющееся между ними расхождение в качестве некоторого «недоразумения», она не оставляет попыток примирить их. В послании З. Фрейду, написанном в 1914 г., она пишет о Юнге: *«Я осуждаю его отношение к Вам, профессор Фрейд, и его отношение к обществу... и еще менее расположена простить ему это, чем историю со мной. Мы виделись лишь один раз после моего замужества... Несмотря на все колебания Ю., он мне по душе, и я была бы рада вернуть его в лоно нашей церкви. Вы, профессор Фрейд, и он даже не подозреваете, что принадлежите друг другу в большей степени, чем кажется» [4, Р. 112].*

В письме, адресованном Юнгу (1918), она также пытается смягчить взаимное ожесточение между ним и Фрейдом: *«Скорее всего, Фрейд никогда не поймет Вас, если Вы будете выдвигать новые теории. В свое время Фрейд совершил столько необыкновенного... С другой стороны, Вы... могли бы прекрасно понять Фрейда, если бы только пожелали, т.е. не поддавались бы сугубо личным чувствам. Фрейдовские теории были, есть и останутся необыкновенно плодотворными. Упрекать Фрейда в однобокости, на мой взгляд, более чем неблагоприятно, ибо любой из нас, и в особенности тот, кто создает целые миры, поначалу кажется королем, а затем, когда его пресыщенные подданные желают выбраться из сферы его влияния, его*

начинают осуждать за однобокость и выказывать свое отвращение» [4, Р. 85].

Между тем, с течением времени, противостояние Юнга и Фрейда все меньше соотносилось с особенностями их личностей или жизненного пути. Если в 1908 г. Юнг со всей возможной почтительностью просит З. Фрейда *«позволить наслаждаться дружбой с ним не как дружбой равных, а как отношениями отца и сына»*, то в 1913 г., когда тучи уже начали сгущаться, писал **С.Шпильрейн**: *«Я хочу быть его другом, но на равных, в то время как он стремится поучать меня как сына»*. Справедливости ради, следует отметить, что в представлении З. Фрейда К. Юнг был не столько «сыном», сколько – наиболее верным последователем и продолжателем дела психоанализа. Он действительно полагал, что **Юнг** *«продолжит и завершит [его] дело, применив в области психозов то, что было начато в области неврозов»*. **Фрейд** пишет: *«Учитывая твердость и независимость Вашего характера, Ваше германское происхождение, которое позволит Вам добиться расположения публики куда скорее, чем мне, Вы, наверняка, сможете лучше всех, кого я знаю, справиться с этой миссией»* [13, Р. 168].

Однако, вместо того, чтобы избавить учение **Фрейда** от репутации еврейской науки, в 1933 г. **Юнг** заявляет: *«Арийское бессознательное обладает бóльшим потенциалом, чем еврейское... Это подозрение возникло в связи с Фрейдом... В понимании немецкой души он не мог посоперничать со своими последователями германского происхождения»* [7]. Впрочем, история «арийского выбора» Карла Юнга имеет самое непосредственное отношение к Сабине, но об этом – в следующем уроке...

Зигфрид.

Трудно сказать, когда именно у Сабины Шпильрейн появляется мысль о желании подарить Юнгу «малыша Зигфрида», однако факт остается фактом – этот образ на протяжении нескольких лет находится в центре их отношений. Даже когда их «личная история» сходит на нет, в одном из писем, Сабина пишет: *«Нелегко отказаться от мысли... о моем чаемом Зигфриде, — но что поделаешь? Да, милый друг! Мне теперь нелегко, но иного выхода я не вижу»*.

Следует отметить, что само имя «Зигфрида» окружено в немецкоязычной культуре флером разнообразных смыслов. В первую очередь, Зигфрид – это герой древнего германского эпоса, наиболее близким к нему является греческий образ Прометея – благородного человека, восставшего против богов и похитившего огонь для людей. Соответственно, переход от зимы – к весне и лету трактовался как победа Зигфрида. В созданном во второй половине XIX в.

«Кольцо Нибелунгов», немецкий композитор Рихард Вагнер повествует о Зигфриде – герое, разбившем власть злых карликов Нибелунгов, и овладевший их кладом – золотом Рейна.

Но, помимо этих «архетипических значений», Зигфрид С.Шпильрейн несет еще один важнейший смысл. Как отметила она в одном из писем к Юнгу: *«Для меня Зигфрид — Христос, хотя и не совсем... Моя проблема, связанная с Зигфридом, могла разрешиться рождением реального ребенка или появлением символического младенца, сочетающего в себе арийские и семитские черты, например, в результате союза Вашего и фрейдовского учения».*

Подобно Христу, пришедшему к людям, чтобы их освободить ценой собственной жизни, Зигфрид должен также освободить людей. При этом миссия Зигфрида – труднее, поскольку он должен даровать «двойное» спасение – и иудеям, и христианам. Еще один немаловажный смысл явления Зигфрида обусловлен фундаментальной для С.Шпильрейна теорией деструкции как источника развития. Многие исследователи полагают, что основная идея статьи «Разрушение как основа становления» возникла именно из фантазии о Зигфриде – одновременно – вестнике смерти и спасителе мира.

Именно в связи с образом Зигфрида, к Сабине возвращаются события и воспоминания старших поколений ее семьи: дед, вынужденный прервать связь с любимой женщиной, поскольку она не была еврейкой. По мнению самой Шпильрейн, всю свою любовь дед передает «христианской науке». Матери, как и деду, не удалось обрести счастье в любви к христианину, и она становится женой Нафтуля Шпильрейна, брак с которым трудно назвать счастливым. Таким образом, Сабина Шпильрейн принадлежала к третьему (и, как станет понятным впоследствии, последнему) поколению семьи, пытавшемуся объединить иудаизм с христианством.

Еще в школе ее лучшими подругами становятся две девушки – одна еврейка, и одна – христианка. Впоследствии, она прилагает усилия для преодоления разрыва между евреем Фрейдом и немцем Юнгом. Но, самым значительным, в этом отношении, эпизодом ее жизни, становится мечта о Зигфриде. Более того, Сабина находит в этом желании определенную поддержку со стороны Карла. В своем дневнике она записывает: *«Он сказал мне, что ему нравятся еврейки, и ему хотелось бы полюбить черноволосую еврейскую девушку. Значит, он тоже стремился преодолеть инерцию своей религии и культуры, освежить кровь за счет новой расы, найти избавление от отцовских предрассудков в неверной еврейке».*

После разрыва с Юнгом, она продолжает думать о возможной его связи с еврейкой: *«Теперь мой друг, пожалуй, полюбит дочь Фрейда... Будучи дочерью*

повсеместно знаменитого человека, она превосходит меня. Мне же приходится полагаться только на свои силы, поэтому мне гораздо труднее»

Здесь вновь мы встречаемся с явным различием отношений к этой проблеме со стороны Карла и Сабины. Для Юнга Зигфрид остается некоторой эротической фантазией, поскольку, по собственному признанию Юнга, он остается неисправимым «филистером», и никогда не решится на развод. Для Сабины это гораздо серьезнее: *«Я совершенно уверена в том, что Зигфрид существует, существует, существует. Никто и ничто не разубедит меня в этом, кроме смерти».*

Кажется, фантазия развеивается, когда 14 июля 1912 г. Сабина выходит замуж за выходца из ортодоксальной еврейской семьи Павла Шефтеля. Однако, в 1918 г., уже будучи матерью маленькой Ирмы-Ренаты, Сабина бросает Юнгу упрек: *«В конце концов, Вы умертвили “реального” Зигфрида, как сказали мне сами (значит, у Вас тоже был “реальный” Зигфрид), т. е. пожертвовали им ради сублимированного Зигфрида. Я же, напротив, умертвила во сне того мужчину, который должен был стать отцом Зигфрида, а затем повстречала наяву другого».* В последующих письмах она вновь возвращается к осмыслению этой фантазии: *«Моя проблема, связанная с Зигфридом, могла разрешиться рождением реального ребенка или появлением символического младенца, сочетающего в себе арийские и семитские черты, например, в результате союза Вашего и фрейдовского учения».*

Между тем, в той же мере, в которой после разрыва с Юнгом, Сабина шаг за шагом освобождается от «комплекса Зигфрида», этот комплекс оказывает все возрастающее воздействие на отношение Фрейда к Юнгу. Еще в 1912 г., когда отношения с Юнгом дали безнадежную трещину, Фрейд признается в письме, адресованном Сабине Шпильрейн: *«Задним числом сообщаю, что Ваша фантазия о рождении спасителя от смешанного союза мне совсем не нравилась».* В начале 1913 г. Фрейд пишет: *«Мои личные отношения с Вашим германским героем окончательно испортились»*, а осенью того же года он впервые признается не только в ревности, но и в личной обиде на К.Юнга: *«Обидно слышать... что Вы изводите тоской по Ю., когда наши отношения испортились, и я почти уверен, что он не заслуживает того особого внимания, которое я ему уделял. Предвижу, что в скором будущем он разрушит то, что мы возвели с таким трудом, а сам ничего лучшего не создаст. Оставляя в стороне наши научные расхождения, его поведение в личных отношениях достойно строгого осуждения».*

В плане «окончательного излечения» Сабины от «комплекса Зигфрида», Фрейд возлагает особые надежды на ребенка, которого ожидает в это время

Сабина от Павла Шефтеля: *«Невыносимо слышать, что Вы все еще тоскуете по прежней любви и былым идеалам, поскольку я рассчитываю на дружескую поддержку лишь со стороны незнакомцев. Как Вы знаете, сам я избавился от последних остатков пристрастия к арийству, и мне хотелось бы надеяться, что, если родится мальчик, то он станет убежденным сионистом. Будет ли он черноволосым или нет, хватит этих блондинов, прочь заблуждения!»*

Письмо заканчивается совершенно неожиданным и нехарактерным для Фрейда признанием: *«Мы евреи и остаемся евреями. Другие всегда будут нас только использовать, никогда не поймут и не оценят»*. Дело в том, что еще в 1908 г. в письме, адресованном Карлу Абрахаму, Фрейд намекал на Юнга и Блейлера: *«Коллеги арийского происхождения нам совершенно необходимы, иначе психоанализ станет жертвой антисемитизма»*. Но всего через пять лет, в письме к Сабине он уже избавлен от этих несбыточных надежд: *«Разумеется, я желаю Вам найти в себе силы для того, чтобы выбросить, как тряпье, этот инфантильный идеал германских титанов и героев, на котором и покоится Ваше неприятие окружающих и своего происхождения, и пусть не этот фантом вызывает у Вас желание родить ребенка, коего Вы первоначально наверняка хотели иметь от отца»*.

Краткое косвенное упоминание об этом пожелании З.Фрейда в письме, написанном С.Шпильрейн – К.Юнгу, порождает у последнего эмоциональный взрыв: *«Мнение Фрейда – это греховное надругательство над святыней. За ним следует тьма, а не свет; это неминуемо, ибо только глубокая ночь может породить новый свет. Зигфрид – его искра. Эту искру можно и должно хранить... Я зажег в Вашей душе новый свет, который Вам следует хранить до мрачной поры. Нельзя его предавать, доверяя чужим доводам. Окружите этот внутренний свет благоговейной заботой, и он никогда не будет угрожать Вашей доченьке»*. Юнг почти запугивает беременную Сабину: *«С Вашей доченькой все будет благополучно, если Вы не погубите свое “особое знание”, которое Вы именуєте “Зигфридом”»*.

Все заканчивается откровенным оскорблением с явным антисемитским подтекстом: *«Кое-что в еврейской душе Вам еще невнятно, поскольку Вы привыкли слишком многое делать с оглядкой. Таково, “увы”, проклятие еврея: самые сокровенные и глубокие свои чувства он именуєт “исполнением инфантильного желания”, он убивает своих пророков и даже своего мессию»*. Несомненно, говоря о «мессии», Юнг намекает Сабине – Зигфрид существует, и Зигфрид – это он сам. Сабина же остается «прототипом еврейки», олицетворением привлекательного и пугающего мифологического образа, и

обретение С. Шпильрейн собственного голоса и места было для него невыносимым.

Между тем, именно в краткой заметке С. Шпильрейн «Забытое имя» [9] содержится ключ ко всей этой истории. Приведем эту историю полностью (перевод С.Г. Жигулевой):

«Одна знакомая дама никак не могла вспомнить имя героя только что прочитанного романа. “Леон? — Нет. Георг? — Нет. Мартин? — Нет. Как же его звали? Его фамилия Мендлин. А! Теперь я вспомнила! Курт Мендлин”.

Я должна добавить, что дама хотела обратить мое внимание на сходство судеб героя и ее собственной. При этом она забыла о главном сходстве: ее возлюбленного звали так же, как и героя романа – “Курт” Она хотела забыть имя возлюбленного, поэтому забыла имя героя романа».

Удивительно, что никто до сих пор не обратил внимание на то, что имя «Курт» и фамилия «Мендлин» абсолютно противоположны: несмотря на стереотипы отечественной истории XX в., когда немцев называли «фрицами», именно «Курт» - самое популярное немецкое имя. Мендлин – несомненно – еврейская фамилия. Таким образом, причины «забывчивости» могут быть гораздо глубже и серьезнее, чем простое сходство имени возлюбленного и имени героя романа. Женщина – на интуитивном уровне – сопротивляется этому соединению арийского имени и еврейской фамилии.

Этот сюжет вновь возвращает нас к главным загадкам жизни Сабины Шпильрейн, включая ее германофилию, романтическую влюбленность в Юнга, неспособность поверить в зверства фашистов и, конечно, глубоко выстраданную идею о связи смерти и возрождения. По-видимому, именно противоречивость соединения и даже слияния с христианской Европой, пусть даже и ценой собственной жизни, и, одновременно, отталкивание от этой перспективы и потребность в сохранении собственной еврейской идентичности – обусловили трагизм и всевозрастающую внутреннюю напряженность ее жизни и судьбы...

Перманентная деструкция.

Люди старшего поколения помнят еще со школьных лет дискуссии о «перманентной революции», придуманная классиками марксизма-ленинизма, а впоследствии – «извращенная» (по крайней мере, так трактовала советская идеология) Львом Троцким. Не менее известен и другой факт: в 1920 г. в книге «По ту сторону принципа удовольствия», З. Фрейд делает крайне важное для всей последующей истории психоанализа, утверждая наличие у человека (и человечества!) влечения к смерти. При этом для самого З. Фрейда, сексуальное

влечение (libido) и влечение к смерти (mortido) противостоят друг другу: *«Мы исходили из коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти»*. Однако, несколькими строками ниже, он говорит: *«В одной богатой содержанием и мыслями работе, к сожалению, не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она обозначает садистский компонент сексуального влечения как «деструктивное» влечение»*. Иными словами, Фрейд косвенно признал влияние Сабины Шпильрейн на развитие своих собственных представлений о психоанализе.

Между тем, именно понятие «деструкции» с исторической дистанции почти в целый век видится в качестве наиболее точного понятия, определяющего сущность начавшихся в первые десятилетия XX в. процессов. Ей же посвящена и наиболее значительная статья Шпильрейн, опубликованная в 1912 г. «Деструкция как причина становления»¹.

Именно в этой работе С.Шпильрейн ставит одну из самых значительных проблем человеческой морали: *«В моей работе над анализом сексуальных проблем меня особенно интересовал один вопрос: почему это самое могущественное влечение, влечение продолжения рода, наряду с положительными чувствами, которые a priori можно ожидать, содержит отрицательные, такие как – страх, отвращение, которые, собственно, должны быть впоследствии преодолены, чтобы удалось достичь положительной деятельности... Из моего опыта с девушками я могу сказать, что в норме — это чувство страха, выступающее на первый план чувств вытеснения, когда впервые принимается в расчет возможность реализации желания, а именно учитывается определенная форма страха: девушки чувствуют врага в себе самих, это собственное пламя любви, с железной необходимостью принуждающее к тому, чего не хотят; они чувствуют конец преходящего, от чего напрасно хотелось бы бежать в незнакомые дали. Возникает вопрос – и это все? Это вершина, и больше ничего не будет сверх этого? Что же происходит в ходе сексуальной деятельности с индивидом, который оправдывал такое настроение?»*

И далее, в заключении она раскрывает тайну: *«Влечение к сохранению вида – это влечение к размножению, и психологически оно также выражается в тенденции к растворению и ассимиляции (превращение «Я» в «Мы») с последующим новым дифференцированием из «правещества»*. *«Где правит*

¹ Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. 1912. Bd. 4. S. 465—503; переводы на русский язык 1994: Деструкция как причина становления / Пер. с нем. М.И. Шпильрейн // Логос. Философско-литературный журнал. 1994. № 5. С. 207—238 и 2001: Деструкция как причина возрождения / Пер. с нем. В.И. Николаева, Л.Ф. Бугаевой [Электронный ресурс] / Автор сайта В.И. Николаев. URL: <http://psychoanalyse.narod.ru>

любовь, умирает Я – темный деспот». При любви растворение Я в любимом является одновременно сильнейшим самоутверждением, новой «жизнью» в личности любимого. Если любви нет, тогда представление об изменении психического или физического индивида находится под влиянием чужой власти, как при половом акте представление об уничтожении или смерти».

По сути дела, именно потребность в тотальном психическом или физическом изменении индивида в ситуации полного и окончательного отсутствии любви к нему – становится не столько диагнозом отдельных невротиков или психопатов, но – диагнозом наступившего времени...

Вскоре после октябрьского переворота 1917 г. дом, имущество и деньги ее отца были конфискованы, и в силу этого материальное положение С.Шпильрейн существенно ухудшилось. С этого времени и до конца жизни она зависит от «психоаналитической практики», которой с течением времени становится все меньше, и от «службы», которая требует все больше сил. Некоторую финансовую поддержку оказывает З.Фрейд, но это заканчивается с ее переездом в Москву в 1923 г.

Остаться в Европе или вернуться в Россию – выбор для Сабины Шпильрейн был весьма непросто, но обстоятельства складывались крайне неблагоприятным образом. В 1920 г. дом Шпильрейна национализируется – семье остается лишь небольшая комната для прислуги. 26 марта 1922 г. в Ростове-на-Дону умирает мать Сабины – Ева Марковна Шпильрейн (1863 – 1922). Братья Сабины – Ян и Исаак после получения образования в Европе, уже работают в Москве. В Ростове завершает учебу ее младший брат Эмиль, а постаревший и обедневший отец работает в Наркомпросе.

На это накладывается весьма специфический политический фон. После победы революции Лев Троцкий становится одним из руководителей Советского государства. В его сознании Фрейд и его учение – важный инструмент созидания нового человека. «Природа человека спрятана в самых глубоких и самых темных тайниках бессознательного, первобытного и сокрытого, – пишет в то время Троцкий. – Разве не очевидно, что самые большие усилия по изучению сознания и творческого начала будут прилагаться на этом направлении?».

В какой-то момент, и Шпильрейн, и Фрейду кажется, что у психоанализа в Советской России большое будущее: его поддерживает «второе лицо» советского государства. В Москве открыт детский дом-лаборатория «Международная солидарность», где воспитываются дети высокопоставленных советских чиновников, в числе которых Василий Сталин. С 1922 г. в Москве (под редакцией профессора И.Д. Ермакова) издавалась «Психологическая и

психоаналитическая библиотека», в которой публиковались основные труды З. Фрейда и произведения некоторых его последователей. В 1923 г. в результате реорганизации Детского дома-лаборатории в Москве был создан Государственный психоаналитический институт, ректором которого был назначен И.Д. Ермаков. В этом же году начинает работу Русское психоаналитическое общество (РПСАО), основатели которого (председатель И.Д. Ермаков, члены М.В. Вульф, Ю.В. Каннабих, О.Ю. Шмидт и др.) сотрудничали с российскими и зарубежными психоаналитическими центрами.

В своем письме от 9 февраля 1923 г. З. Фрейд «благословил» ее возвращение и высказал мнение, что в Москве она сможет «заниматься серьезной работой вместе с Вульфом и Ермаковым». Приехав в Москву осенью 1923 г., Сабина включается в активную деятельность: вступает в Русское психоаналитическое общество, заведует секцией детской психологии в 1-м Московском государственном институте, состоит научным сотрудником Государственного психоаналитического института и Детского дома-лаборатории «Международная солидарность». В этом институте она ведет амбулаторный прием, консультирует, читает спецкурс «Психоанализ подсознательного мышления», ведет «семинарий по детскому психоанализу», принимает участие в «медицинских заседаниях сотрудников» института. Ее опыт и репутация играют исключительную роль в консолидации советского движения психоаналитиков и способствуют его официальному признанию Международной ассоциацией психоанализа, известной своими консервативными настроениями в политических вопросах.

Поначалу ее дела действительно идут неплохо. В сентябре 1923 г. она поселяется в Доме ученых, в котором работают ее младшие братья Ян и Исаак, и становится научным сотрудником недавно созданного Государственного психоаналитического института, где читает лекции по психологии и бессознательному мышлению, ведет курсы, проводит амбулаторный прием.

Она заведует секцией детской психологии при 1-м Московском университете, в числе пяти самых авторитетных психоаналитиков России, возглавляет руководство Русского психоаналитического общества. В 1924 г. в Москве она руководит уникальным семинаром по работе с детьми на принципах психоанализа. *«...Считала бы необходимым лично наблюдать детей, чтобы беседы с руководительницами не сводились к чисто теоретическим рассуждениям и «платоническим» советам заочно».* Ее интересует речь детей, их позы во сне, рисунки, поделки, импровизации. Подобный семинар Анны Фрейд в Вене появится только три года спустя. *«Работаю с наслаждением, считаю себя рожденной и «призванной» как бы*

для моей деятельности, без которой не вижу в жизни никакого смысла», - пишет Шпильрейн в те годы.

Однако, после смерти В.И. Ленина и начавшегося оттеснения Л.Д. Троцкого от рычагов власти, в июле 1924 г. ее лишают возможности вести прием больных, а 14 августа 1925 г. решением Совнаркома за подписью Семашко Государственный психоаналитический институт ликвидируется. В 1927 г. Троцкий выведен из Политбюро и сослан в Алма-Ату.

Вместе с ним врагом объявляется и сам психоанализ: 27 июля 1930 г. принято официальное постановление о ликвидации Русского психоаналитического общества. Годом позже в известном европейском журнале *Imago* появляется последняя прижизненная публикация С. Шпильрейн – статья «Рисунки детей при открытых и закрытых глазах». В 1932 г. был ликвидируется журнал «Педология», а усиливающееся давление на педологию завершается погромным Постановлением ЦК ВКП(б) 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпросов».

Оценив изменения ситуации, в 1924 г. Сабина Шпильрейн возвращается в Ростов-на-Дону. Там ее поджидает новый удар: ее муж сошелся с другой женщиной, и в 1924 г. у них рождается ребенок. С. Шпильрейн прилагает все усилия для восстановления семьи, и 18 июня 1926 г. у нее рождается дочка Ева.

Факты о жизни Сабины Николаевны в Ростове-на-Дону в последние 18 лет ее жизни (1924-1942) крайне скудны. Есть некоторые свидетельства, что она работала на нескольких работах: поликлинике и университете. Некоторые считают, что она жила замкнуто и бедно, в то же время наиболее известный исследователь истории ростовских евреев Евгений Мовшович считал, что супруги достаточно благополучно жили в квартире Павла на ул. Дмитриевской (Шаумяна), 33 (ныне 13).

И все же вторая половина 30-ых гг. превращает жизнь Сабины в непрерывный кошмар. Семью Шпильрейн затягивало в мясорубку сталинских репрессий и судьба методично, безжалостно садистской настойчивостью наносила ей удар за ударом. В 1935 г. НКВД арестовало ее брата профессора Исаака Шпильрейна. В 1937 г. от разрыва сердца скончался отец. В 1937 г. еще два брата Сабины – член-корреспондент Академии наук СССР Ян Шпильрейн и доцент Эмиль Шпильрайн – были арестованы один за другим и вслед за Исааком сгинули в ГУЛАГе. В этот же год от инфаркта умирает муж – Павел Шефтель (некоторые считают, что это было самоубийство), а 17 августа 1938 г. – отец Сабины.

С этого момента, никого, кроме двух дочерей, у Сабины Шпильрейн не оставалось.

У порога.

Известно высказывание З. Фрейда о русских: «русские ближе к самоанализу...». В другой раз он сказал: «русские ближе к бессознательному...». Самым парадоксальным в этом является даже не разночтения в текстах, а то, что основные впечатления З. Фрейда о «русских» опирались на встречи со студентами-медиками Фаиной Шалевской, Татьяной Розенталь и Сабиной Шпильрейн...

Вскоре после начала Второй мировой войны в Лондоне умирает З. Фрейд. Летом 1941 г. начинается война Германии с Советским Союзом, а уже 19 ноября 1941 г. гитлеровцы были на окраине Ростова. 21 ноября началась первая оккупация, когда в течение нескольких дней были уничтожены несколько сотен жителей. Несмотря на то, что Ростов был освобожден уже 29 ноября, все время до июля 1942 г. город подвергался ожесточенным налетам, а 24 июля 1942 г. началась повторная оккупация. Существуют свидетельства о том, что еще до начала оккупации дом, где живет Сабина, сгорает, и она перебирается в пустующий дом, недалеко от пункта сбора евреев Андреевского района (ныне – здание школы № 39 по ул. Социалистической), откуда она вместе с обеими дочерьми уходит в небытие 11 августа 1942 г.

Один из вопросов, который задают все исследователи жизни Сабины Шпильрейн – почему она не уехала из города, хотя бы для того, чтобы спасти жизни своих дочерей – Ренаты и Евы. Наиболее популярная версия заключается в том, что Сабина Шпильрейн, подобно многим советским обывателям, не предполагали, что немцы приступят к тотальному уничтожению евреев – а ее собственный опыт жизни в Европе лишь поддерживал иллюзию «культурности немцев».

Другая, более глубокая версия, связывает нежелание Сабины Шпильрейн эвакуироваться как бытовыми причинами (соседи вспоминали о ней, как о худенькой согбенной старушке в длинной черной юбке и ботинках «прощай, молодость»), так и психологическими: все трое ее братьев (математик Ян, психолог Исаак и биолог Эмиль) были расстреляны по ложным обвинениям органами НКВД.

Однако невозможно отбросить и еще одну – даже не версию, но мысль, напрямую сопрягающую ее трагический выбор – с наиболее известной ее статьей – «Деструкция как причина становления»: «Влечение самосохранения – это простое влечение, состоящее только из положительного; влечение сохранения вида, которое должно растворить старое, чтобы осуществилось новое, состоит из положительного и отрицательного компонентов. Влечение к сохранению вида по своей сути амбивалентно; поэтому возбуждение

положительного компонента вызывает одновременно возбуждение отрицательного и наоборот. Влечение самосохранения – это «статическое» влечение, поскольку оно должно защищать уже существующего индивида от чуждых влияний, влечение сохранения вида – это «динамическое» влечение, стремящееся к изменению, к «воскрешению» индивида в новой форме. Никакое изменение не может происходить без уничтожения старого состояния».

И еще. Задолго до трагической развязки, еще в начале Первой мировой войны (1915) Сабина Шпильрейн публикует, казалось бы, совершенно незначительную заметку под характерным названием «Бессознательный судебный приговор» [10]. Мы приводим ее целиком (Пер. с немецкого С.Г. Жигулевой):

«Одна немного боязливая дама сообщила мне следующее: она поднималась вверх по лестнице гостиницы, в которой проживала, и размышляла о том, как опасно постоянно находиться в пансионе с легочными больными; при этом она невольно держала у носа носовой платок. В этот момент ей навстречу шел молодой жилец гостиницы, страдающий легочным заболеванием, она упрекнула себя за такое бестактное поведение, которое мужчина должен был заметить.

Дама ускорила шаг и думала, что входит в свою комнату, когда к своему удивлению обнаружила дверь комнаты запертой. Она постучала — никто не ответил. Тут она посмотрела на номер комнаты и увидела, что спутала этажи и стоит перед дверью только что упомянутого больного. “Прошу прощения!” — крикнула она смущенно и поспешила в свою комнату, которую теперь нашла безошибочно.

Ошибочное действие с точки зрения сознания детерминировано в бессознательной душевной жизни: дама упрекнула себя в бестактном поведении и, ускоряя шаг, старалась забыть случившееся, но оно продолжало работать подпольно, и оставленный без внимания судья объявил свой приговор: “Пойди к господину, постучи в его дверь и попроси прощения», чему она и последовала, не осознавая этого”».

Возможно, именно в этой заметке мы находим некоторый ключ к пониманию последнего выбора Сабины Шпильрейн. В той же мере, в которой мы метафорически говорим о «зараженном фашизмом воздухе Европы», мы должны признать большинство немцев 30-40-х гг., включая любимого Карла Юнга, – «легочными больными», распространявшими смертельно опасную инфекцию. Очевидно, что дама равнодушна к «больному легочным заболеванием», и, несмотря на угрожающую опасность, она старается «сохранять приличия».

Так разыгрывается драма любви и смерти: и дама вновь приходит к двери своего больного, чтобы получить свою порцию яда. Вероятнее всего, именно неразделимый клубок любви, страха и стыда «поступить как дама» - дает наиболее полное представление о том, почему Сабина Шпильрейн осталась в оккупированном Ростове.

И самое последнее соображение, точнее, намек. В 1922 г., когда сама Сабина Шпильрейн находится перед труднейшим выбором о возвращении в Россию, в женевском журнале публикуется написанная ею по-французски заметка «Кто автор преступления?» [11]. Перевод этой статьи осуществлен уже в наши дни Т.И. Беловой.

Внешне сюжет кажется поверхностным: Сабина Шпильрейн обсуждает постановку пьесы некоего французского автора Ленормана «Пожиратель грёз» (Le Mangeur de rêves), в котором психоаналитик Люк своим безрассудным вмешательством губит свою пациентку Жаннин, провоцируя ее самоубийство. Проблема, которая находится в центре критического рассуждения С. Шпильрейн – в том, что Люк пробуждает в душе Жаннин «преувеличенно болезненные угрызания совести», которые и приводят к трагической развязке.

Мы приводим здесь только заключительные строки заметки С. Шпильрейн именно потому, что они с равным правом могут быть отнесены и к сюжету взаимоотношений Сабины Шпильрейн и Карла Юнга, и к судьбе Сабины Шпильрейн, и даже – к духовному расколу еврейства в XX в.

«Зло укоренилось гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд; у болезненной совести Жаннин и беспомощности Люка – общая причина. Та же причина, которая лежит у истоков нынешнего увеличения числа самоубийц, сумасшедших и преступников. Это дефицит любви в нашем обществе, ошибки в воспитании. Религия превратилась в мертвую букву. Мы слишком развиты, чтобы просто верить, нам все нужно знать. У детей предшествующих поколений было меньше возможностей для того, чтобы самим учиться у природы – наше поколение, напротив, с самого раннего детства задыхается под грузом лжи и социальных условностей. Нет сердца, нет понимания, естественной искренности в отношениях между родителями и детьми.

Мы, врачи и педагоги, совершенно разобщены в наших усилиях обрести поддержку родителей или хотя бы привлечь их внимание.

Они обращаются к нам, когда бывает уже поздно, иногда слишком поздно. Я не утверждаю, что разумное воспитание всегда сможет защитить детей от душевных и нервных болезней, есть многое, что находится за пределами нашей власти – но это не повод усыпить нашу совесть и не пытаться ничего делать. Пример с Жаннин отчетливо это доказывает: нам

удастся победить зло не тем, что мы будем его игнорировать, иначе бы Жаннин незнающая была бы самым счастливым существом на свете.

Напротив, только глубокое знание психологических законов со стороны родителей, полная откровенность между родителями и детьми – конечно в той мере, чтобы не мешать пониманию ребенка – только здоровое естественное воспитание, которое может внести вклад в формирование будущего человека, способного бороться со своими инстинктами, в которых он отдает себе отчет, которые он умеет осудить, не развивая при этом в качестве реакции чувства неполноценности, угрызений совести, глубоких настолько, что могут его погубить. Именно этому должна научить нас пьеса Ленормана, и за это мы ему благодарны».

Рис .4

Забвение и возвращение.

Одна из наиболее существенных проблем понимания судьбы и наследия Сабины Шпильрейн заключается в том, что огромная (едва ли, не большая) часть научного и эпистолярного наследия Сабины Шпильрейн еще скрыта от исследователей.

Так, например, в 1911-1912 гг. во время приезда в Ростов, С. Шпильрейн читает доклад о психоанализе – текст утерян. То же самое можно сказать о докладе по теме «Этика и психоанализ» (1914, Берлин); «Детская душа» (доклад на французском языке 12 февраля 1921 г. в Институте Руссо (Женева)). Неизвестна судьба цикла из восьми докладов о психоанализе и воспитании в течение сезона 1921-1922 гг.

Её мысль обращается к сохраняющим по сию пору актуальность проблемам: дурным привычкам у детей (1921), принципам удовольствия и

реальности в детской душевной жизни, вредным привычкам в детском возрасте, истоках символизма (1922), детским тайнам и творчеству (все – 1922). В эти же годы обращается к проблеме «воспитательного психоанализа» (1922-1923), подсознательному мышлению и законам поведения ребенка (1924). Наконец, в последний год своего пребывания в Москве она предлагает обобщающий взгляд на одну из наиболее политизированных тем: «Проблема бессознательного в современной психологии и марксизм» (1924).

Наибольшей загадкой для исследователей оказывается судьба архива Шпильрейн, находившегося в подвале Дворца Вильсона. Мы начали наш рассказ с удивительного и непредсказуемого факта обнаружения дневника и писем С. Шпильрейн в подвале бывшего психологического института в Цюрихе, и им же завершим повествование.

Готовясь к возвращению в Советскую Россию, Сабина Шпильрейн оставила на сохранение свой приватный архив выдающемуся швейцарскому психологу Эдуарду Клапареду – основателю и директору Женевского Института Жан-Жака Руссо. Возможно, она полагала, что заберет свое имущество в ближайшее время при более благоприятных обстоятельствах, однако, более вероятно, что она отдавала себе отчет, что никогда не вернется в Европу, и что, только отдав свой архив на бессрочное хранение, можно сохранить его для потомков.

После смерти Э. Клапареда в 1940 г., эти материалы, находившиеся в сундуке, видимо, были переданы Институт Жан-Жака Руссо, где пролежали в подвале несколько десятилетий. Во время ремонта здания института этот сундук был обнаружен строителями, которые, сообщили о своей находке психоаналитикам. Известно, что в архиве представлены неопубликованные статьи, обширная переписка, дневники и фотографии, при этом каталог архива до сих пор не составлен, также не определен его правовой статус.

С одной стороны, его вроде бы считает своей собственностью Институт Жан-Жака Руссо (Женева), с другой – его считает своей собственностью некая Элен де Мерсье (*Hélène de Morsier*), которая хранит этот архиву себя дома и распоряжается им по своему усмотрению. Многолетние усилия племянников С.Н. Шпильрейн – Менихи Исааковны Шпильрейн (1916-2000) и Эвальда Эмильевича Шпильрайна (1926-2009) по открытию и возвращению архива в Россию, успеха не имели.

Тем не менее, на протяжении двух последних десятилетий, не только имя Сабины Шпильрейн, но и ее труды получают все большее признание как в России, так и во всем мире. Известный психоаналитик Бруно Беттелхейм назвал ее не только «блестящим ученым и обладающей высочайшей

чувствительностью женщиной», но и «личностью, проявившей необыкновенную психологическую интуицию». Другой знаменитый ученый Йоханнес Кремериус в своей статье «Сабина Шпильрейн: ранняя жертва сплоченности рядов психоанализа» отмечает, что «ее диссертация и статьи могут быть отнесены к фундаментальным психоаналитическим трудам; однако, несмотря на всю их важность, автор оказался практически преданным забвению».

«Работы Шпильрейн стала вехой в истории психоанализа, – пишет в своей работе «В защиту Шпильрейн» Цви Лотан. – Шпильрейн создала амальгаму из психоаналитических знаний и мифологических откровений... Эта работа упрочила ее репутацию самостоятельного мыслителя и *femme inspiratrice* Юнга... Ее статьи вдохновили и повлияли и на других психоаналитиков, хотя в их текстах не отыщется фамилия Шпильрейн». Член Немецкого психоаналитического общества Питер Куттер утверждает: «Это была самая значимая персона в русском психоанализе. А ещё Сабина чудесным образом связала русскую и немецкую культуру. Упустить это имя ничего другого не означает, как совершить большую ошибку».

Ошибка эта оказывается тем значительнее, поскольку именно психоанализ акцентирует значимость припоминания ранних травмирующих событий для объяснения всех последующих драматических событий и переживаний. В этом отношении, жизнь и судьба Сабины Шпильрейн создают достаточно поводов для искусственного вытеснения ее имени из истории. Как для сторонников психоанализа в духе З. Фрейда, так и для сторонников «аналитической психологии» К. Юнга, она – воплощение раскола, случившегося между этими двумя титанами. Как женщина-психоаналитик и, что не менее важно, детский психоаналитик она оспаривает первенство Анны Фрейд и Мелани Кляйн. С точки зрения ортодоксального иудаизма, опыт Сабины Шпильрейн – есть яркое свидетельство запретности и губительности любого сближения с иным – христианским миром. Наконец, для отечественной историографии определенную трудность представляет внутренняя «симметрия» в трагедии семьи Шпильрейн: три брата Сабины Шпильрейн (Ян Николаевич Шпильрейн (1887-1937) – советский математик, член-корреспондент АН СССР (1934); Исаак Нафтульевич Шпильрейн (1891-1937) – советский психолог и лингвист, основатель и лидер отечественной психотехники, доктор философии (1914); Эмиль Николаевич (Нафтульевич) Шпильрейн (1899-1938) – советский биолог, декан биологического факультета Ростовского университета) были расстреляны советскими органами безопасности. Ее собственную жизнь и жизнь обеих дочерей – Ренаты и Евы – оборвали немецкие пули...

...Один из наиболее известных французских философов второй половины XX века Мишель Фуко в своей книге «Воля к Истине» [2], писал: «Пересмотр текста Галилея вполне может изменить наше знание об истории механики, - саму же механику это изменить не может никогда... Напротив, появление такого текста, как «Эскиз» Фрейда, – и в той мере, в какой это есть текст Фрейда, – всегда содержит риск изменить не историческое знание о психоанализе, но его теоретическое поле, пусть даже это будет только перемещением акцентов в нем или изменением его центра тяжести. Благодаря таким возвращениям, составляющим часть самой ткани дискурсивных полей, о которых я говорю, они предполагают в том, что касается их автора – "фундаментального" и опосредованного, – отношение, отличное от того, что какой-либо текст поддерживает со своим непосредственным автором».

Несколько огрубляя, можно сказать, что архив Сабины Шпильрейн – оказывается, в некотором смысле, тем самым – текстом, появление которого может заставить нас пересмотреть не только отдельные положения теорий Фрейда и Юнга, но и задать гораздо более широкое – проблемное поле – для осмысления проблем и перспектив взаимодействия самых разных духовных и культурных традиций; даст импульс к пониманию того, чем стал XX век и каков его посыл для века нынешнего и будущего.

Список литературы:

1. Каротенуто А. Трансфер в «тайной симметрии» // Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой. Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2004. С. 84-88
2. Фуко М. Воля к Истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 36-37.
3. Шпильрейн С. Психоаналитические труды / Под науч. ред. С.Ф.Сироткина, Е.С.Морозовой. Ижевск: ERGO, 2008. 466 с.
4. Carotenuto A. A secret symmetry Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York: Pantheon, 1984.
5. Carotenuto A. Tagebuch einer heimlichen Symmetrie / Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud. Feiburg: Kore, 1986.
6. Lothane Z. Zärtlichkeit und Übertragung – Unveröffentlichte Briefe von C. G. Jung und Sabina Spielrein. // Karger et al. Sexuelle Übergriffe in Psychoanalyse und Psychotherapie, Göttingen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. P. 35-69.
7. Lothane Z. Freudsche Fehlleistung // Die Zeit. 1995. № 18. April 28. P. 44.

8. Minder B. Sabina Spielrein. Jung's Patientin am Burghölzli // Luzifer-Amor. 1994. № 14. P. 55-127.
9. Spielrein S. Die vergessene Name // I. Z. P. 1914. Bd. 2. S. 383-384
10. Spielrein S. Ein unbewusster Richterspruch // I. P. 1915. Bd. 3. S. 350.
11. Spielrein S. Qui est l'auteur du crime? // Journal de Geneve. 1922. Vol. 93. № 2. P. 142-146.
12. Spielrein S. Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen 1911. Bd. 3. S. 329-400
13. The Freud/Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C.G. Jung, ed. W. McGuire, transl. R. Manheim & R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press.

References:

1. Karotenuto A. Transfer v «tajnoj simmetrii» // Sabina Shpil'rejn: nad vremenem i sud'boj. Rostov-na-Donu: Mini Tajp, 2004. S. 84-88
2. Fuko M. Volja k Istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. M.: Kastal', 1996. S. 36-37.
3. Shpil'rejn S. Psihoanaliticheskie trudy / Pod nauch. red. S.F.Sirotkina, E.S.Morozovoj. Izhevsk: ERGO, 2008. 466 c.
4. Carotenuto A. A secret symmetry Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York: Pantheon, 1984.
5. Carotenuto A. Tagebuch einer heimlichen Symmetrie / Sabina Spielrein zwischen Jung und Freud. Feiburg: Kore, 1986.
6. Lothane Z. Zärtlichkeit und Übertragung – Unveröffentlichte Briefe von C. G. Jung und Sabina Spielrein. // Karger et al. Sexuelle Übergriffe in Psychoanalyse und Psychotherapie, Göttingen. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001. P. 35-69.
7. Lothane, Z. Freudsche Fehlleistung // Die Zeit. 1995. № 18. April 28. P. 44.
8. Minder B. Sabina Spielrein. Jung's Patientin am Burghölzli // Luzifer-Amor. 1994. № 14. P. 55-127.
9. Spielrein S. Die vergessene Name // I. Z. P. 1914. Bd. 2. S. 383-384
10. Spielrein S. Ein unbewusster Richterspruch // I. P. 1915. Bd. 3. S. 350.
11. Spielrein S. Qui est l'auteur du crime? // Journal de Geneve. 1922. Vol. 93. № 2. P. 142-146.

12. Spielrein S. Uber den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // Jahrbuch fur psychoanalytische und psychopathologische Forschungen 1911. Bd. 3. S. 329-400
13. The Freud/Jung Letters: The Correspondence between Sigmund Freud and C.G. Jung, ed. W. McGuire, transl. R. Manheim & R.F.C. Hull. Princeton: Princeton University Press.

Страница на сайте проекта «История российской психологии в лицах»

<http://hist-psy.ru/person/spielreinsn.php>

Сведения об авторе:

Бермус Александр Григорьевич, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры образования и педагогических наук Академии психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Россия)